

Червонная С.А.

То, что мы слышали за последний час, похоже на уравнение, в котором отношения с США сведены к отношениям с администрацией Буша. Это идет от старого советского, а может, еще глубже – от российского имперского мирознания с его гипертрофированной ролью государства. Но в американском – и вообще в западном – контексте администрация, какой бы она ни была – республиканской Буша или демократической – никак не равна управляемой ею стране. В США, в отличие от России, государство вообще не равно обществу. И оно ни в коей мере его не перекрывает. Поэтому исходной точкой для построения двусторонних отношений должно быть осознание, что страна намного больше, чем пришедшая по воле случая к власти администрация. Тем более это необходимо в отношении администрации, которая пришла к власти не совсем обычным путем, представляющим неприемлемым с точки зрения не проголосовавшего за нее большинства населения. Мои частые "прогулки" по американским интернетовским чатам на протяжении декабря-января минувшего года дали картину интересного консенсуса на широком идеологическом спектре – от леволиберального и до весьма респектабельно умеренного – относительно прихода к власти администрации Буша. Этот консенсус заключается в оценке произошедшего как своего рода государственного переворота с приходом к власти "реставрационного режима" со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Сегодня прозвучал очень интересный тезис насчет совпадения политических циклов в США и России. С моей точки зрения, произошло не простое, а двойное совпадение циклов – причем, разнонаправленных: и тут, и там мы имеем консервативные администрации, навязанные левоцентристскому большинству общества. Причем, в отношении США наличие на сегодняшний день этого левоцентристского (разумеется, в американском контексте) большинства подтверждается раскладом голосования на последних президентских выборах и исследованиями партийно-политической и идеологической приверженности электората, проводившимися рядом опросных служб накануне и во время выборов. В них прослеживается довольно четкая арифметика: свыше 70% демократического электората (составляющего 33% всех избирателей), около 65% независимого (соответственно, 38% всех избирателей) и треть республиканского (26% всех избирателей) относят себя к "либералам" и "умеренным" (в американском контексте лево-центристам) – то есть в сумме абсолютное большинство. Это большинство отдало голоса кандидату демократов Альберту Гору (получившему на 300 тыс. голосов больше своего соперника) и кандидату "зеленых" Ральфу Нейдеру – либо осталось дома. Превращение Республиканской партии с ее консервативным большинством в партию меньшинства – значительный сдвиг, произошедший в политической жизни США с середины 90-х годов, который, к сожалению, не укладывается в рамки 10-минутного выступления.

Указанная арифметика говорит об опасности "государственной монополизации" российско-американских отношений и сведения их к некоей скроенной по республиканскому лекалу повестке дня. Представляется, что в условиях некоторой "неукорененности" администрации (да еще учитывая возможную перспективу прихода уже на следующих промежуточных выборах демократического большинства в Конгрессе США) желательно возвращение к модели общественного диалога образца конца 80-х – начала 90-х годов, который мог бы как-то скорректировать опасные перекосы в позициях элит.

Но пока у нас официальная Америка Буша заслоняет другую Америку – Америку частного интереса, общественных организаций и общественного активизма, весьма неоднозначно относящуюся к исходящим из Белого дома инициативам. Сегодня, как свидетельствуют данные опросов общественного мнения, только 46% американцев удовлетворены положением дел в стране. Это – самый низкий показатель за последние четыре года: на пике клинтоновского импичмента процент удовлетворенных составлял 71%, ко дню инаугурации Буша упав до 56%.

Что касается общественного фона российско-американских отношений, то надо отдавать себе отчет в весьма низком месте внешнеполитических и военных вопросов в списке национальных приоритетов. Падение их приоритетности в глазах американцев шло на протяжении более четверти века и сегодня достигло низшей точки за весь послевоенный период. Сравнение данных опросов ведущих служб показывает, что внешнеполитические вопросы занимают примерно восьмое-десятое место в списке первоочередных проблем, стоящих перед страной. Неоспоримый приоритет в нем сегодня принадлежит проблеме обеспечения энергоресурсов. Следом с небольшими вариациями идут экономика, налоги и образование. Далее – социальное обеспечение и здравоохранение, а за ними – экология. Только после экологии американцы позволяют себе задуматься о внешнем мире, а затем, причем, далеко не сразу – о своей военной безопасности. И в абсолютном большинстве опросов внешняя политика и оборона не попадают в число первых шести приоритетных проблем.

Горбачев М.С. То есть у них, как и у нас, чем дальше от столицы, тем совершенно другая страна и другие проблемы.

Червонная С.А. Но у них есть Конгресс, который отражает проблемы, волнующие его избирателей. И если конгрессмен или сенатор не будет голосовать в соответствии с интересами своих избирателей, это неминуемо отзовется ему на следующих же выборах. Конгресс – инструмент весьма чуткий.

Возвращаясь к приоритетам, интересно, на каком месте, по данным опросов, находятся те или иные внешнеполитические проблемы в глазах американцев. Безусловное первенство (по мнению свыше 80% опрошенных) принадлежит предотвращению распространения ядерного оружия. Далее (по мнению почти 80%) следует проблема обеспечения достаточных энергоносителей, которая видится и как внешнеполитическая. На третьем месте (59%) защита безопасности союзников. За ней (чуть более половины опрошенных) – защита прав человека в других странах. Это то, что американцы называют

неальтруистическими приоритетами. А дальше, по мере убывания, идет список альтруистических приоритетов. Где-то процентов 30 интересует помощь и развитие демократии в других странах, становление демократических режимов, еще меньше – гуманитарная помощь и т.п. Очевидно, что в сегодняшней Америке больше всего беспокоятся о "близком к телу" дефиците профицита; альтруистические же приоритеты явно отходят на задний план. Во всяком случае, ни один из них не имеет поддержки даже половины населения. С партийной колокольни эти приоритеты смотрятся несколько по-иному. В глазах подавляющего большинства – 70% – республиканцев "чрезвычайно важным" является поддержание военного превосходства. У демократов же озабоченных военным превосходством – 58%, а у независимых – еще меньше, 51%. Если учесть, что сторонники республиканцев составляют сегодня меньше трети избирателей, то это весьма показательные цифры.

Для большинства – 59% – демократов главный приоритет во внешней политике связан с защитой прав человека. У независимых избирателей озабоченных правами человека 50%, а у республиканцев – только 45%.

Но в сегодняшней американской национальной (повторяю, национальной, а не государственной) внешнеполитической повестке дня есть два пункта, по которым существует полный консенсус среди республиканцев, демократов и независимых. Это – предотвращение распространения ядерного оружия и обеспечение энергоносителей. Иногда эти вопросы меняются местами, но консенсус остается.

Что касается отношения к ПРО, то согласно опросам, общество не уделяет особого внимания этому вопросу – и не особенно информировано. Так, трое из десяти опрошенных в 2000 году наивно считали, что у США система противоракетной обороны уже есть. Интересно, что на вопрос: "Вы за ПРО или против?" – 80% отвечает положительно. Но, когда за этим общим вопросом следуют более детализированные, оказывается, что все не так то просто. Во-первых, треть опрошиваемых не знает, что ПРО у США еще нет. Третью считает, что уже есть – и именно это они и одобрили.

Когда у американцев спрашивают, одобряют ли они создание системы ПРО, если у ученых будут сомнения, то уровень одобрения снижается где-то до 50-56%.

В ответ на вопрос об одобрении развертывания ПРО в случае, если оно приведет к новому витку гонки вооружений, число его сторонников падает до 49 - 45%.

Дальше – больше. После вопроса о том, что будет, если ПРО встанет в 60-100 миллиардов долларов, уровень одобрения падает до 45%. Американцы не хотят тратить столько денег на далекий противоракетный щит, когда можно распорядиться ими "ближе к телу".

Если же к этому прибавляют угрозу разрыва Договора с Россией 1972 года, то число сторонников ПРО падает до 37 - 28%. Американцы явно не хотят – или боятся – одностороннего выхода из договора, и это весьма интересный момент.

К тому же на это накладываются и финансовые соображения. Президент Буш предлагал сокращение налогов на 1,6 триллиона долларов за 11-летний период. Конгресс, пока в Сенате было республиканское большинство, оставил ему 1,35 триллионов за 11 лет, и в таком размере эта программа была только что окончательно принята. По оценкам американских экономистов, после того как налоги уменьшатся на эту сумму, у законодателей будут другие проблемы, то есть говорить будет уже больше не о чем. ПРО в бюджете пока что не заложено.

Я говорю это к тому, что заикливание российской политики сегодня на проблеме ПРО не подкрепляется реальной ситуацией в США.

К этому следует добавить и позицию демократов, которых отнюдь не следует сбрасывать со счетов, – особенно в свете только что свалившегося на них контроля над Сенатом. Интересно, что законодатели-демократы в принципе не против самой идеи ПРО, видя в ней "экономический паровоз" и "зонтик для инвестиций" (то есть повышения привлекательности США для притока инвестиций), и большинство из них в принципе за продолжение научных и технических разработок в этой области. Но при этом они резко критически относятся к предложениям, исходящим от администрации Буша, особенно к выходу в одностороннем порядке из договора 1972 года 20 мая они даже провели специальное совещание за закрытыми дверями по выработке стратегии противодействия планам администрации. Среди около 100 его участников, помимо законодателей, были и аналитики. Решив в принципе не трогать саму идею ПРО, демократы намерены сосредоточить усилия на развале программы Буша в Конгрессе – "свести с рельсов, отсрочить и изменить какой бы то ни было конкретный план, который когда-либо выдвинет администрация в области ПРО".

Учитывая предстоящую смену караула у руководства ключевых сенатских комитетов, в том числе комитета по иностранным делам и по делам вооруженных сил, позиции демократов достойны всяческого внимания.

Произошедшее в Сенате – далеко не случайный эпизод, объясняющийся капризом конкретно взятого сенатора. В основе его – глубокие противоречия в самой республиканской партии между правым консервативным большинством (базой которого являются штаты так называемого "библейского пояса" Юга) и умеренными республиканцами Северо-Востока. Памятуя уроки своего отца, "умеренность" которого обошлась потерей поддержки консервативной партийной базы, Буш-младший, придя в Белый дом, сменил "сострадательный консерватизм" избирательной кампании (рассчитанный на завоевание голосов независимых избирателей) на открыто правое консервативное направление. Не просчитав несовместимости позиций сенаторов-республиканцев от либеральных штатов Северо-Востока с курсом администрации, команда Буша потеряла шаткое большинство в верхней палате Конгресса.

Проблема соотношения умеренной и правого консервативной части республиканской партии отнюдь не нова и уходит корнями еще в дорозвельтовские времена. На сегодняшний день основной приоритет умеренных республиканцев – это свобода торговли, а правого большинства (или, как их называют в США, "khee-jerk

conservatives", т.е. консерваторы, у которых коленка дергается при любом либеральном высказывании) – безопасность в никсоновско-киссинджеровском понимании. И между ними практически нет смычки. Об этом говорилось еще в раскладах различных американских аналитических центров во время избирательной кампании. При этом отмечалось, что эти части партии держит вместе только желание победы. Интересно, что это противоречие прослеживается и в персональном составе команды Буша: рейгановско-бушевская внешнеполитическая команда и ориентированная на свободу торговли достаточно современная, корпоративная экономическая команда, по мнению многих американских аналитиков, обречены функционировать без смычки друг с другом. Это как Генри Киссинджер и Милтон Фридман одновременно.